

ХРОНИКА

В КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

18 февраля 1948 г. под председательством академика С. И. Вавилова состоялось очередное XXX заседание Комиссии по истории физико-математических наук.

Были заслушаны два доклада: члена-корреспондента АН СССР М. Ф. Субботина «Работы М. А. Вильева по теории движения Луны» и кандидата технических наук А. М. Бахраха «А. Н. Крылов и морские оптические приборы».

Отметив, что работы, выполненные в России с середины XVIII в. по теоретической астрономии, представляют в целом весьма значительный вклад в науку, М. Ф. Субботин указал на настоятельную необходимость разработки этого раздела истории русской науки. Видное место занимают работы по теории движения Луны, и прежде всего работы Эйлера, изданные нашей Академией в 1758 и 1772 гг. Эти работы явились источником всего дальнейшего прогресса не только в теории движения Луны, но и во всей небесной механике. Фундаментальная работа Клеро появилась в результате конкурса, объявленного нашей Академией (1752 г.).

После работы Эйлера наиболее крупным вкладом русских учёных в теорию движения Луны является работа А. М. Ляпунова «О рядах, предложенных Хиллом для представления движения Луны» (1896 г.).

Далее, докладчик отметил работы академика Ф. И. Шуберта (1802 г.), Н. Долгорукова (1885—1912 гг.), А. М. Жданова (1888 г.), А. В. Краснова (1894—1898 гг.).

Первая из трёх напечатанных М. А. Вильевым работ касается видимого движения Луны. Две другие работы относятся к теории затмений и представляют большой интерес.

Основной работой по теории движения Луны является мемуар «Исследования по теории движения Луны», часть I, опубликованный в 1919 г. В качестве второй части указанной работы М. А. Вильевым были написаны две главы. Первая из них (напечатанная в 1920 г.) содержит весьма полное изложение первой эйлеровской теории. Вторая глава, трактующая о неравенствах лунных месяцев, осталась после смерти М. А. Вильева (1/XII 1919) в форме рукописи, подготовленной к печати.

После доклада М. Ф. Субботина с личными воспоминаниями о М. А. Вильеве выступил профессор Н. И. Идельсон. По словам докладчика, Вильев проявлял исключительное дарование в астрономии, особенно в небесной механике. Как вычислитель, он едва ли имел себе равных. Наряду с этим Вильев был ещё и первоклассным филологом. Он владел древнеегипетским языком, превосходно читал и писал иероглифы. Академик Б. А. Тураев считал его совершенно законченным египтологом. Незадолго перед смертью Вильев начал слушать у Б. А. Тураева курс по абиссинским летописям, из которых он хотел извлечь и обработать данные астрономического содержания. Вильев

владел и арабской письменностью, столь важной для изучения арабской астрономии.

Труды Вильева по астрономии между 1915—1919 гг. печатались почти непрерывно. Было бы чрезвычайно важно объединить их все в одном издании, с тем, чтобы навсегда запечатлеть в истории русской науки облик и творчество этого гениального столь преждевременно погибшего юноши.

А. М. Бахрах охарактеризовал роль и значение деятельности А. Н. Крылова в области морской оптики.

А. Н. Крылов разработал оригинальные конструкции оптических прицелов, дальномеров, прибора для фотографической записи качки, прибора для обучения наводке при качке, прибора для определения целика на ход противника и других приборов.

Докладчик охарактеризовал состояние обеспечения русского морского флота в то время, когда А. Н. Крылов начал заниматься конструированием оптических прицелов, и изложил историю этой работы А. Н. Крылова.

Затем А. М. Бахрах подробно описал устройство и продемонстрировал фотографии и чертежи морских оптических приборов А. Н. Крылова и документы, характеризующие важную роль и значение А. Н. Крылова в создании отечественного морского приборостроения.

Академик С. И. Вавилов отметил, что работы А. Н. Крылова в области морских оптических приборов оставались неизвестными, так как были засекречены. В настоящее время многие приборы А. Н. Крылова представляют собой уже только исторический интерес, и их можно и следует опубликовать, так как А. Н. Крылов даёт здесь решение многих задач исключительно простым методом.

Затем С. И. Вавилов указал на то, что А. Н. Крылов не был оптиком, а был механиком и замечательным конструктором и в своих приборах применял уже готовые оптические части, комбинируя их соответствующим образом. Это умение применить оптику для решения важных боевых задач чрезвычайно характерно для А. Н. Крылова.

В заключение С. И. Вавилов указал на то, что вообще история русской оптики — может быть, отчасти по той причине, что оптика всегда была близко связана с военным делом, — мало известна. Кое-что из истории русской оптики XVIII в. за последние 10 лет становится известным, в частности, работы Эйлера и Ломоносова. Но о работах в области оптики XIX в. мы очень мало знаем, хотя, несомненно, эта работа шла. Поэтому изучение этого периода развития оптики, и в том числе по морским архивам, может принести чрезвычайно большую пользу и неожиданные открытия в области истории русской техники.

3 марта 1948 г. под председательством члена-корреспондента АН СССР Т. П. Кравца состоялось XXXI заседание Комиссии по истории физико-математических наук.

Были заслушаны два доклада: профессора М. С. Эйгенсона «Столетие «Этюд» звёздной астрономии» В. Я. Струве и современная наука» и В. И. Ченакала «Работы по оптике Н. В. Чиколева».

Профессор М. С. Эйгенсон, отметив, что В. Я. Струве был не только создателем лучшей в мире Пулковской обсерватории и основателем знаменитой пулковской астрономической школы, но и создателем совместно с В. Гершелем звёздной астрономии, — указал, что, помимо открытия годичного параллакса звёзд и важных работ по двойным звёздам, В. Я. Струве в ряде работ и в особенности в мемуаре «Этюды звёздной астрономии» произвёл фундаментальное исследование общего распределения звёзд, образующих видимую нами вселенную. Впервые В. Я. Струве окончательно доказал, что явление Млечного пути есть результат галактической концентрации, т. е. что все звёзды, а не только входящие в полосу Млечного пути, входят вместе с последним в единую звёздную систему. По существу, самая возможность говорить о Вселенной звезд как о звездной системе Млечного пути основана именно на этом результате Гершеля и Струве.

Если в этом вопросе В. Я. Струве имел предшественника в лице Гершеля, то он абсолютно оригинален в вопросе о галактическом поглощении. Здесь он, опередив мировую науку на восемьдесят с лишним лет, гениально предположил, что за видимое падение пространственной звёздной плотности при удалении от Солнца отвечает не реальное истощение звёздной системы (ибо это привело бы к невероятному выводу о нахождении Солнца точно в центре звёздной Вселенной), а невидимая — тёмная — галактическая материя. Когда в 1930-х годах было непосредственно показано наличие этой последней, оказалось, что В. Я. Струве смог даже весьма точно вычислить средний коэффициент галактического поглощения.

Таким образом, В. Я. Струве произвёл решающие исследования по двум центральным вопросам современной нам звёздной и внегалактической астрономии.

Во второй части доклада М. С. Эйгенсон остановился на советских работах 1947 г., которые показали, что вопрос о галактической концентрации имеет громадное значение для разрешения ряда основных проблем строения, динамики и космогонии звёздных систем.

В заключение докладчик указал, что исследования 1930—1940-х годов, произведённые в СССР и за рубежом, показали также огромную роль тёмной материи как в нашей галактике, так и в подобных ей спиральных туманностях, и что всё сказанное приводит к выводу, что «Этюды» В. Я. Струве сохраняют полную актуальность и могут быть с полным правом причислены к величайшим созданиям нашей культуры.

Доклад В. Л. Ченакала был посвящён работам выдающегося русского электрика и светотехника В. Н. Чиколева в области прикладной оптики. Подробное изложение доклада можно найти в статье В. Л. Ченакала, опубликованной в УФН т. XXXIV, вып. 4 (1948) в связи с исполнившимся 5 марта с. г. пятидесятилетием со дня смерти В. Н. Чиколева.

Член-корреспондент АН СССР М. А. Шателен продемонстрировал изданные Чиколевым брошюры по испытанию прожекторов и указал на то, что на Чикагской выставке 1893 г., на которой было представлено много прожекторов германского и французского происхождения, метод, предложенный В. Н. Чиколевым, был признан наиболее совершенным.

Кроме того, М. А. Шателен показал несколько сохранившихся у него патентов Чиколева на его лампы и обратил внимание на то, что патенты эти были подписаны не именем В. Н. Чиколева, а именами тех людей, от которых Чиколев, видимо, получал материальную поддержку в осуществлении своих изобретений. Чиколев явился не только автором первой дуговой лампы, но ещё раньше предложил ту лампу, которая вызвала много шума, особенно в Англии (лампа Вердемана). Об этой лампе он говорил ещё в начале 70-х годов в Обществе любителей природы, но патента не взял, и идея этой лампы была осуществлена Вердеманом, равно как и идея другой, предложенной Чиколевым, лампы была заимствована Шуккертом.

М. Радовский